

ИНОАФИША

ИНОА

Получив весной этого года два «Оскара», американский режиссер и актер Клинт Иствуд буквально за один вечер из «крутого парня», любимого зрителями и презираемого элитарной критикой, превратился в живую классику американского кино.

Летом на экраны вышел новый фильм с участием Клинта Иствуда «На линии огня» (режиссер Вольфганг Петерсен), где актер сыграл охранника президента, вступающего в изощренный психологический поединок с маньяком-убийцей. А 24 ноября в США состоится премьера фильма «Идеальный мир». Клинт Иствуд сам поставил его. Картина о взаимоотношениях двух людей — преследующего и преследуемого — в последние дни существования классической идеальной, «образцовой» Америки времен Кеннеди (действие происходит осенью 1963 года).

Корреспондент английского журнала «Сайт энд саунд» Джеймс Вернер побеседовал с актером на съемочной площадке «Идеального мира».

Клинт Иствуд:

«Я становлюсь частью

Сценарий фильма «На линии огня» был написан специально для вас?

— Кажется, сценарист Джефф Магуайр имел в виду меня, когда сочинил диалог, но я точно не знаю. Мне говорили, что он пытался передать мне сценарий через кинокомпанию «Уорнер бразерс», но там мне ничего не сказали. А потом позвонил мой агент и сказал: «Ты читал эту вещь, которую купила студия «Коламбия»? О парне, который служит в охране президента, любит джаз и играет на пианино?» Я прочитал, мне понравилось. В сценарии было много интересных находок, дающих мне возможность сыграть то, чего раньше не доводилось. Как и в «Непрощенном», я играл человека, которого всю жизнь преследует воспоминание об ошибке, совершенной в прошлом. Сейчас трудно найти сценарий с героем, у которого есть прошлое и который внутренне меняется по ходу фильма.

— Несмотря на то, что отношения вашего героя с противником, его играет Джон Малкович, в основном складываются из телефонных разговоров, в них чувствуется настоящее напряжение.

— Телефонные разговоры трудно сделать интересными, особенно если они повторяются, но Джон сумел придать им объемность. Он сыграл своего персонажа исключительно умным психопатом, сумев наступить на грань между разумностью и безумием.

— В перерывах между дуб-

лями он и вы выходили из ролей или пытались избежать друг друга, бросали друг на друга мрачные взгляды? Или вы снимались в разные смены?

— Нет. Оба мы принадлежим к одной актерской школе — исполнителей, которые входят в кадр и становятся героями фильма. Во время съемок телефонных разговоров мы оба находились на одной и той же съемочной площадке, так что нам не пришлось работать с дублерами.

— Подобно «Непрощенному», «На линии огня» стал еще одной попыткой пересмотреть ваш классический имидж. Охранник Фрэнк Хорриган представляет собой развитие образа Грязного Гарри, точно так же, как Уильям Манни из «Непрощенного» кажется законным наследником героев ваших ранних вестернов.

— Оба они — и Гарри и Фрэнк — люди с оружием в руках и полицейским значком, олицетворяющим закон. И вместе с тем оба не вписываются в систему. А если они кажутся разными, что ж, мы видим их в разные поры жизни.

— Значит, ваши герои меняются вместе с вами?

— Надеюсь, я меняюсь в лучшую сторону. Мой отец когда-то говорил: «Или ты развиваешься, или разлагаешься». Конечно, становясь старше, актер вынужден отказываться от каких-то ролей, но зато появляется возможность играть роли, невыполнимые в молодости. Чем старше актер, тем больше прошлого у его персонажей.

— Вы будете снимать новый фильм о Грязном Гарри, или решили поставить на этом герое крест?

— У меня нет никаких планов относительно новых фильмов о Гарри Каллагане. Когда-то я любил продолжения, но сейчас мне кажется, что если я сделал фильм и сказал о герое все, что хотел, значит нужно оставить его в покое.

— Хорошо, вы «переросли» Гарри Каллагана, но зрители-то любят его по-прежнему!

— Возможно. Но сейчас меня привлекают проекты, отличные от тех, что я делал тридцать лет назад. Не знаю, вернусь ли когда-нибудь к Грязному Гарри. Конечно, герой может измениться, но тогда... тогда он превратится во Фрэнка Хорригана.

— Вы по-прежнему поддерживаете на выборах Росса Перо?

— Да, я голосовал за него на последних выборах и согласен с ним: нам нужны перемены. Люди разочаровались в политике, постоянной болтовне, за которой не видно реальных дел.

— Я задал этот вопрос, потому что фильмы серии «Грязный Гарри» по сути адресованы как раз тем разочарованным в системе людям, к которым обращается Перо, и подобно ему Гарри Каллаган с его методами силы имеет огромную популярность в массах. Самый красноречивый пример — то, что однажды президент Рейган даже процитировал реплику Гарри: «Ну давайте, доставьте мне это удовольствие», — когда выступил в сенате перед оппонентами.

— Не знал, что эта фраза станет такой популярной. За прошедшие годы я уже изрядно устал от того, что все ее повторяют.

— Постановщик «Грязного Гарри» Дон Сигел снял с вашим участием несколько фильмов и оказал значительное влияние на развитие вашей карьеры. Когда вы решили стать режиссером, то пригласили его в ваш

звонки, когда он был еще жив. Но это редко кому удается. Думаю, люди еще вернутся к его работам.

— Было время, когда вы во всех фильмах играли практически одного и того же героя — неустрашимого, несокрушимого мифического крутого парня. Потом у вас был переходный период — вы делали необычные, странные фильмы, такие, как «Бронко Билли» и «Туго натянутый канат» и одновременно снимались в очередных сериях «Грязного Гарри».

— Эти небольшие проекты стали как бы предвестниками создания таких лент, как «Непрощенный» и «На линии огня». Я всегда упрямо верил, что «крутые ребята» — не предел моих возможностей. Конечно, ни «Бронко Билли», ни «Человек из бара» не имели такого успеха, как «Неожиданное столкновение» и «Не мытьем, так катаньем», но эти ленты дали мне уверенность в своих силах, и я смог рискнуть поставить «Непрощенного».

— Чему же научили вас малобюджетные фильмы?

— Они научили меня не бояться сделать шаг в сторону, попробовать что-то нестандартное. Я был свидетелем того, как другие актеры снимали странные, безумные фильмы, и их за это критиковали. Я всегда восхищался этими людьми.

— Вы помните, как Берт Ланкастер снялся в «Пловце»?

— Совершенно верно. Я был в восторге! Вообще-то и Ланкастер и Керк Дуглас много раз выходили за рамки своего амбула. Ланкастер — в «Пловце», Дуглас — в «Безжалостном городе» и «Смелые одиночки». А ведь они могли бы вместо этого сыграть роли, где успех был бы заранее гарантирован, но не сделали этого. Я пытался объяснить кинематографистам, которым повезло сделать несколько успешных фильмов, что вовсе не обязательно делать еще один коммерчески удачный боевик. Лучше сделать

ни. Ведь музыка не остановилась в 40-е годы, хотя я считаю, что это было великое время, когда на сцену вышли свинг и бигбэнд. Но все идет вперед, и человек должен жить в том мире, который существует сегодня.

— Хотя вы и не ставили сами «На линии огня», вы наверняка решали, кто будет режиссером. Почему вы выбрали Вольфганга Петерсена?

— Мне понравился его фильм «Подводная лодка». Более поздние его фильмы были еще лучше, но именно «Подводная лодка» дала мне ощущение, что этот человек предпочитает фильмы Джона Форда телевизионным лентам. В «Подводной лодке» чувствовался размах. И еще — я не хочу показаться суеверным, но мне показалось, что европеец сможет увидеть в чисто американской истории что-то новое, как это сделал в 60-е годы Серджо Леоне. Кинокомпания «Касл рок» имела на примете и других постановщиков, но мне не хотелось иметь дело с кем-нибудь из новичков — ведь сам я уже 23 года занимаюсь режиссурой.

— Вашим партнером стал Кевин Костнер: «Танцы с волками» встретились с «Бандитом Джоном Уэйлсом». Как и вы, Костнер не раз играл мифических героев, но в новом фильме его персонаж — сбежавший из тюрьмы преступник. Как вы думаете, подходит ему эта роль?

— Думаю, актер всегда должен расширять свое амбула. Он сделал несколько успешных фильмов и доказал, что прекрасно может играть хороших парней. А сейчас ему представилась возможность перейти к другим ролям и доказать, что он актер, а не звезда.

— Критики сравнивали его с Гэри Кулером и Стивом Маккуином. Он напоминает вам этих актеров?

— Думаю, что у него свой собственный стиль и шарм. По-

ЛАНДШАФТА»

этому-то он и имеет успех. Конечно, сравнивать легко, но критики почему-то забывают, что актеры, подобные Гэри Кулеру, играли самые разные роли. То же самое можно сказать о Богарте и Кэгни. Они не боялись играть злодеев. Сегодня актер печется о своем имидже, нимало при этом перестраховываясь.

— В прошлом неучастие во всеяских церемониях награждений было у вас чуть ли не обетом чести. А что вы чувствовали во время последней церемонии «Оскаров»?

— В декабре прошлого года мы получили приз Лос-Анджелесской ассоциации кинокритиков и Бостонского общества кинокритиков за лучший фильм. В Нью-Йоркском обществе кинокритиков мы не добились одного голоса. Соответственно, возникла мысль «а вдруг?...». Это ужасно раздражает, если всю жизнь ты прожил без этих игр и считаешь, что вполне можешь без них обойтись. Но в глубине души понимаешь, как все-таки приятно получить приз. На церемонии я прибыл в хорошем настроении, философски рассуждая: все, что ни делается, — к лучшему. Но когда стало известно, что мы не получили премии ни за операторскую работу, ни за сценарий, я подумал: «Черт возьми, я привез сюда мою 84-летнюю мать, неужели мы уедем с пустыми руками!» А когда я увидел, что Барбара Стрейзанд открыла очередную конверт и улыбнулась, я все понял.

— Насколько я знаю, Эмма

Томпсон, которая тоже получила «Оскара», прислала вам записочку после церемонии?

— Она написала мне очаровательное послание, рассказала, что в детстве смотрела мои фильмы в компании своего отца, который был поклонником минимализма в актерской игре и потому очень любил мои ленты. Она тоже их любила. Забавно, правда? — получить «Оскара» одновременно с девушкой, которая смотрела мои фильмы в детстве! Чем старше становишься, тем чаще встречаешься с людьми, для которых ты стал частью ландшафта — они смотрели твои фильмы на первом свидании, во время школьных каникул.

— Раньше американских оценили ваши работы. Имели ли для вас значение их оценки в то время?

— Думаю, европейские критики гораздо больше интересуются историей кино. Когда в начале 60-х появились мои первые фильмы, из американцев откликнулись немногие — среди них оказался Босли Кроутер, — и почти все отнеслись ко мне негативно. Европейские критики сразу же заинтересовались тем, что делал Серджо Леоне, тем, что пытался сыграть в его фильмах я. С тех пор они пристально следили за моей карьерой. Они были первыми, кто заметил перемены, а когда я начал сам снимать фильмы, они отозвались об этом с одобрением. А американские обозреватели отреагировали на это следующим образом: «Он не сумел показать себя как актер, а уже лезет в режиссуру». Хотя, конечно, были и исключения.

— В чем, по-вашему, причина подобного предубеждения?

— Снобизм, наверное. Помню, в Голливуде всегда смеялись над французскими картинами из-за того, что те восхищались работой Джерри Льюиса. А ведь этот человек ставил замечательные фильмы и сам в них играл. Он всегда искал что-то необычное.

За последние 20 лет пришло новое поколение кинокритиков — они лучше знают кино, они более открыты новому. А в 40-е и 50-е большинство обозревателей ничего не знало ни по истории, ни по теории кино.

— Вы родились в 1930 году в семье рабочего. Как вы думаете, повлияли ли тяжелые времена Великой Депрессии на ваше отношение к работе, на деловую этику, которой вы придерживаетесь?

— Думаю, вы правы. Все мои ровесники похожи на меня — они либо работают, либо просто сходят с дистанции. Моя мать до сих пор с умилением вспоминает те времена, а ведь ей пришлось тогда несладко. Но я почти не вспоминаю прошлое. Предпочитаю думать о настоящем и будущем.

— Вы никогда не думали о том, чтобы уйти из кино? За последние десять лет у вас было несколько неудач, это никогда не отвращало вас от работы?

— Иногда фильмы не находят зрителя. Что ж, это никогда не обижало меня. Я всегда думаю о новом проекте. Конечно, возникали мысли и о том, что пора бы снизить темп работы, а то и вовсе расстаться с кино, но каждый раз хочется снять самый лучший фильм в своей жизни, и как же не воспользоваться очередным шансом? Но если настанет день, когда студии откажутся от моих фильмов, я скажу «Окей!» Я и так долго был в седле.

Перевела с английского Елена ТЕЛИНГАТЕР.